

Е.З. МЕНЦ

**Музей
сказочных
чудес**

Е.З. Менц

Музей сказочных чудес

«Автор»

2026

Е.З. Менц

Музей сказочных чудес / Е.З. Менц — «Автор», 2026

На холме правого берега славного града Воронежа стоит маленький музей, обнесенный одиннадцатью столбами с фонарями (двенадцатый — твоего фонаря ждет). Волею случая Мина Храброва, студентка-искусствовед, именно там проходит свою летнюю практику. Это очень сложно — поверить в какие-то там чудеса из детских сказок, когда ты живешь в таком прямолинейном и рациональном городе. Еще сложнее не поверить, когда мимо проносятся кареты, закрывает солнце тень крыла Жар-птицы, город то проваливается в сонный паралич, то не может заснуть, а в сырых пещерах, позвякивая цепями, качается хрустальный гроб. И русалка, конечно же, русалка сидит на тех самых дубовых ветвях. А на страже нормальности стоят хранительница музея, ее помощник на удаленке, три малюсеньких котенка под общим именем Горыныч и Мина, сказочная прислужница. Лето кончится, кончится и практика, но забыть такие приключения уже вряд ли удастся.

© Е.З. Менц, 2026

© Автор, 2026

Е.З. Менц

Музей сказочных чудес

Спящая красавица.

- Получилось? Посмотри, получилось?
- Где я посмотрю!?
- Как будто негде тебе посмотреть! Я пока еще поищу. Она должна быть где-то здесь.

Другая.

Горячий шепот двух возбужденных голосов раздавался совсем близко. Мина открыла глаза. С закрытыми глазами было темно, с открытыми мало что изменилось. Полминуты она напряженно вглядывалась в ничто, пока предметы вокруг не начали обретать размытые, тусклые очертания. Значит, какой-то источник света существует.

Где?

Девушка пошарила рукой. Она сидит полулежа, опираясь на деревянную стену. Правым плечом привалилась к другой стене. До пола... Она осторожно вытянулась. Носок кроссовки уперся в пол. Недалеко. На чем же она сидит? Стул без спинки, табурет? Руки нашарили железные затворы. Сундук. Деревянный сундук, покрытый ковриком.

Шепот за стеной перешел в монотонное бормотание: «В печь, в печь, всех сжечь...». Девушка почувствовала, как ее затягивает в воронку паники.

Страшно проснуться в незнакомом месте, страшно не иметь ни малейшего представления, как ты в него попал. Не склонная к подобного рода приключениям, Мина услышала собственное громоподобное сердцебиение. Ладони похолодели и взмокли, тело будто придавленное толстым, тяжелым одеялом, вжалось в сундук.

Чтобы успокоиться, она принялась ритмично дышать, одновременно рассматривая комнату. Обычная, небольшая комната, заставленная разнообразными предметами. Склад потертых вещей? Что это за предметы, определить было сложно. Мебель, какие-то тряпки, сапоги, вырисовывались очертания огромного самовара и еще какой-то утвари. Хорошо еще, она здесь одна.

С этой мыслью обнаружился источник тусклого света. Прямо напротив тихо заскрипела дверь. Мина подтянула ноги под себя и замерла. Дверь приоткрылась внутрь сантиметров на двадцать. В образовавшемся проеме, почти на уровне пола, показались два ярких желтоватых глаза. Секунда — над ними появилась еще одна пара глаз, а потом и третья. Все шестеро, не мигая, смотрели сквозь темноту прямо на Мину.

Этого девушка уже не вынесла. Она взвилась вверх, пролетела комнату, рванула дверь на себя и, расшвыряв глаза в разные стороны, ринулась по тусклому, длинному коридору. Вперед! Надо было, наверное, огибать предметы, заполонившие пространство, но Мина летела как атомный ледокол, рассекая столики, чемоданы, стопки пыльных книг — впрочем, пыльным было вообще все. Взмывали вверх какие-то тряпки, летели бумажки, опрокидывались стулья.

Бесконечный коридор, наконец, заворачивал. Мина резко затормозила, чтобы не врезаться в стену, и встретила глазами с галереей портретов. Один и тот же благообразный старик смотрел на нее со смесью радости и самодовольства. Девушка замерла, но тут же опомнилась и свернула за угол. После поворота, всего через пару метров, высилась резная деревянная дверь с коваными петлями, массивной ручкой, тяжелым навесным замком, лихо перекинутым

через дужку и открытым. Мина навалилась, вкладывая все силы, чтобы распахнуть громадину. Та неожиданно легко поддалась, впуская ее в пространство совершенно другого рода.

Девушка очутилась в огромной комнате, заставленной по стенам витринами. Она поняла, что весь тот темный коридор шел вдоль левой стены; правая стена была в небольших, но частых окнах, из которых лился яркий, нормальный солнечный свет.

Больше ничего нормального не было. Почему-то все увиденное запечатлелось в ее мозгу как статичные картинки, вроде фотографий из криминальной хроники, без движения. Хотя как раз движения хватало. Абсолютно все предметы, не запертые в витринах и не приколотые к полу, мерно покачивались в воздухе. Картины снялись с гвоздиков и левитировали рядом со своими местами, отмеченными выцветшими от времени обоями. Книги шелестели раскрытыми страницами, сервизы, ложки, стулья — все приплясывало в воздухе. Предметы потяжелее — в нескольких сантиметрах от пола, ажурные салфеточки — прямо под потолком. Пол, устланный коврами, прибитыми по периметру, в середине вздыбился, пытаясь стряхнуть с себя увесистую, ленивую банкетку. Слишком тяжелая для парения, она переваливалась с боку на бок и, если бы могла, устало пыхтела. У дальней стены комнаты — наверняка она примыкала к складу с сундуком, где проснулась Мина, — перед раскрытым ноутбуком стояла женщина. Обычная, значительная женщина лет пятидесяти в лаймово-зеленом костюме. Юбка, пиджак, белая блузка, крупная брошь на лацкане, прическа-начес с аккуратным строгим пучком. Этот яркий образ вызвал у девушки смутное чувство узнавания. Женщина в каком-то паническом настроении смотрела на экран ноутбука, где благообразное лицо старичка с картин что-то успокаивающе бубнило.

Мина ворвалась в комнату не очень тихо. Точнее, дверь, как положено, громыкнула о стену всем своим весом натурального дерева и железных элементов.

Женщина в зеленом, старик на экране и каждый предмет мебели повернулись к ней. Вы когда-нибудь представляли себе, что на вас укоризненно смотрит банкетка? Мина издала нечленораздельный вопль, в котором слились испытанный ужас, возмущение и шок. Напротив двери в коридор, к счастью, была еще одна, ведущая на улицу. Девушка покинула молчаливую сцену так же быстро, как пришла. Выскочила на крыльцо, скатилась с нескольких низких ступенек, пробежала насквозь садик с плодовыми деревьями и, яростно хлопнув калиткой, оказалась на улице, где устремилась прямо вверх.

Единственное, что она расслышала, покидая дом, — радостный вскрик старика: «Получилось, значица!»

Вверх-вниз по лестнице.

Калитка захлопнулась. Мина выскочила наружу и оказалась ровно посередине улицы Герцена.

Как любой другой крупный провинциальный город, Воронеж особенно хорош в пору цветения. Пышные кроны изумрудно-зеленых деревьев щедро прикрывали благородную седину старых домов, мощные ветви поддерживали осыпающиеся балконы, под которыми нельзя было ходить и тридцать лет назад, упорная трава пробивала себе путь сквозь асфальт и плитку, а бордюры создавали уютную спортивно-барьерную среду.

Мина любила свой противоречивый город и довольно неплохо знала его. Правый берег, где исторический центр сливался со спальными, индустриальными, университетскими райо-

нами, поднимался от набережной крутой насыпью, застроенной частными домиками. Вообще-то домищами. Земля здесь стоила дорого, уютные деревенские усадьбы уступали место шикарным особнякам, возможно, выстроенным в рамках одного семейства.

Улица Герцена брала свое начало от Адмиралтейской набережной, поднималась строго вверх, к старой каменной стене. В какой-то момент дорога, узкая, пешеходная, будто прорубленная между участками, становилась настолько крутой, что переходила в ступеньки. По ним, спотыкаясь на выщербленных плитах, Мина побежала наверх. Однако подъем требовал сосредоточенности, если она не собиралась вдруг оказаться возле набережной без единой целой кости. Девушка притормозила и сосредоточилась. Тогда же заметила, что сжимает в руках игрушку цвета фуксии. Странный, футуристический заяц с добрыми глазками-пуговками.

— Ниночка! — Паника наконец полностью отступила, и Мина уже очень медленно и задумчиво побрела дальше.

Получается, если смотреть широко, эта история началась четыре с половиной года назад, когда родители, смущенные и возбужденные, уселись напротив нее.

— Дочь, — начал папа, — есть такое дело... Разговор.

Мама подозрительно покраснела.

— У нас как бы для тебя новость. — Отец собрался было, но тут же разобрался. — Разговор.

Мина вскинула брови. Разговор она ждала давно и совершенно не понимала того, как его пытались обставить.

— В общем, ты уже взрослая, 18 лет. В университет поступила сама, умница, вот... — Мама всегда хорошо начинала речи. Хорошо было бы и продолжить, но она замолчала.

— Родители! — Мина сощурила глаза. — Вы же взрослые люди, говорите уже, тем более мне кажется, я догадываюсь. — Она покосилась на чемодан, лежавший за спиной матери раскрытым.

Родители в унисон облегченно вздохнули.

— Вот и отлично! Поможешь нам выбрать имя. — Мама зарделась и погладила живот.

Тут-то, наконец, до Миной дошло. Хотя, с такими объяснениями, могло бы доходить до самых родов. Девушка даже рот раскрыла от удивления, переводя взгляд с матери на отца. Со свойственной юности легкостью она считала их не то чтобы старыми — 42 и 43 года, что это по нашим временам? — но просто неизменными, что ли. Это были просто родители, не совсем люди, если так понятнее. А тут такое. Наконец девушка полностью осознала смысл грядущих перемен и расхохоталась.

— Ну вы даете! Я-то думала, вы в поездку собрались без меня или вообще пожить куда-то на несколько месяцев. Ходите, шепчетесь... — Она покачала головой. — А там все в порядке? Кто там?

Мама улыбнулась, и внутри у нее как будто включилась лампочка.

— Там девочка. Сестра.

— Ты только не подумай, — быстро заговорил отец, — мы тебя дергать не будем. Посидеть там, понынчиться. Все только по желанию. Сложновато будет, конечно. Крики по ночам.

— Понимаешь, мы, когда тебя родили, совсем молодые были. Учеба, потом работа. Часто отдавали тебя бабушкам-дедушкам. — Мать запнулась. Кажется, гормоны настроили ее на сентиментальный лад. — Мы многое пропустили, не добавили тебе.

Мина пожала плечами. Сама она ничего такого не чувствовала и популярных претензий к родителям не имела.

— Значит, сестричка, говорите? — Родители трогательно взяли за руки. — Помочь с именем, говорите?

— Да, мы подумали, может быть, Ниночка? — Отец вопросительно заглянул ей в глаза. Мина встала.

— Ниночка? Обычное стандартное имя? — В притворном, а может быть, не до конца притворном возмущении девушка облокотилась руками о стол. — Я — Вильгельмина Витальевна Храброва! И вот эта девица получит имя еще покруче.

Последующие месяцы Мина оттягивалась на родителях самыми заковыристыми вариантами, вроде Лауриты, Минервы и Персефоны.

В положенное время родилась прекрасная девочка, естественно, Ниночка.

В последующие годы Мина участвовала в жизни сестры как приглашенная звезда. Учеба требовала самоотдачи, да и, признаемся честно, младенцы хороши, в основном, когда спят. Со временем девушка научилась самостоятельно отслеживать глубину мешков под глазами родителей и предлагать помощь. Вот на прошлой неделе как раз наступил такой момент. У отца был отпуск, в который он пытался починить, повесить и прибить всё сразу. Мать, как тысячерукий Шива, одновременно варила-стирала-убирала, а властвовала над этим хаосом маленькая девочка с пропеллером.

Мина покачала головой, собрала сестру и увела на целый день, предупредив родителей, что, если они предпочтут сну вот эти все свои никому не нужные подвиги, фокус с исчезновением может и не повториться.

Шантаж!

Закрывая дверь, она совершенно точно слышала храп из родительской спальни. Дальнейшие события без сомнения можно отнести к разряду совпадений: десятками мелких кусочков, плотно подогнанными пазлами они ложатся на полотно дня, чтобы привести вас туда, где вы должны оказаться.

Во-первых, Нина захотела посмотреть на «Божье провидение». Ей нравился сам корабль, нравилась Адмиралтейская площадь. И очень, наверное, больше всего нравилось, как Мина ломает язык, пытаясь воспроизвести макароническое оригинальное название корабля из латинского и немецкого слов: «Гото Предестинация». Эта часть программы была исполнена с блеском. Во-вторых, поднимаясь вверх по улице Декабристов, они столкнулись с группой малышей примерно возраста Нины под предводительством растерянной, взволнованной воспитательницы. Нина тут же нашла себе приятелей и затерялась в десятке детей, наводя смуту исковерканным названием петровского корабля.

Воспитательница просила помощи. В рамках культурной программы ученики детского сада «Светлячок» намеревались посетить «Музей сказочных чудес». Небольшой, государственный, труднодоступный, оплаченный. И где вообще эта улица Герцена! За возможность присоединиться к экскурсии Мина предложила провести группу, лучше через набережную, так как ступеньки для малышей представляли серьезный вызов.

Что ж... Так они спустились по широкой, ухоженной улице Декабристов, взобрались по круче соседней улицы до самых ступенек и оказались у калитки «Музея сказочных чудес».

Экскурсия оказалась довольно интересной, хотя и проведенной излишне сухо, на вкус Миной. Высокая, статная дама в лаймовом костюме, со следами всех возможных косметических манипуляций на лице, провела класс по периметру огромной комнаты, показала утварь,

сервизы, одежду и обувь. Все, впрочем, детям не очень интересное. Главным достоинством музея были книги. Даже поверхностно Мина оценила собрание первых изданий самых разнообразных сказок со всего мира. Богатые иллюстрации, несколько плакатов с подписью И. Билибина, рукописи. Подивившись таким чудесам, музей они покинули без намерения возвращаться. Именно в тот день Нина забыла на одной из витрин своего зайца цвета фуксии.

Три дня спустя, в свободные несколько часов, Мина решила заскочить в музей и забрать игрушку. Пока что отсутствие зайца вызывало только легкое недоумение у сестры, но буря могла разразиться внезапно. Девушка проделала тот же путь от набережной и вошла в калитку музея вместе с другими посетителями. Это был мальчик пяти лет и его чрезвычайно утомленная подъемом бабушка. Та же экскурсовод, в том же облачении, приветствовала гостей. Снисходительно она обратилась к мальчику с предложением посмотреть картинки в книжках, на что он горделиво заявил, что уже умеет читать. Женщина в лице не то чтобы переменилась, она, как говорили в старину, «сошла с лица». Пока бабушка, отдуваясь, сидела в уголке, а паренек топал к книгам, Мина уточнила, нет ли здесь коробки с потерянными вещами. Лаймовая женщина только махнула рукой в сторону двери, ведущей в длинный коридор. Ее внимание было полностью поглощено ребенком. Мина открыла дверь и прошла до самого конца, где обнаружила еще одну дверь и коробку со всяким хламом. Хотя тут везде был всякий хлам, но из этой коробки гордо торчали ярко-розовые ушки.

Девушка вытянула зайца и всё. Дальше темнота.

Улица заканчивалась совсем уж узкими ступеньками в полметра шириной и огромной железной дверью, выкрашенной в терракотовый цвет. Мина открыла ее рывком — хорошо хоть замок не навесили — и оказалась в шаге от храма Николая Чудотворца. Дальше нужно было совершить странный рывок, обогнув храм, снова выйти на продолжение улицы Герцена и уже подниматься до Чернышевского, Подпорной стены, а там и Каменный мост рядом.

Девушка стояла, широко распахнув дверь, и смотрела, как дворник помогает прилично одетой женщине подняться с больших черных мешков. Вид у обоих был смущенный и немного заторможенный. Мина медленно закрыла дверь, развернулась. В голове все смешалось. Ей не нравилось это чувство, непонимание происходящего. Ужас перед танцующей банкеткой сменился непреодолимым желанием разобраться. Она сжала зайца так, что он, казалось, пискнул, и пошла вниз.

Предложение.

На последней ступеньке сидела бабушка в состоянии легкого оглушения. Ее умненький, читающий внук понуро ковырялся в кустах, явно скучая. Мина остановилась и предложила воды.

— Я вроде бы видела вас в музее, — она улыбнулась, — что-то случилось?

Женщина недоуменно пожала плечами.

— Не знаю даже, заснула, представляете?! Вышла на веранду, пока Николенька там книжки рассматривал, присела на скамейку и заснула. Давление, что ли, никогда такого не было. — Она явно была расстроена, но больше удивлена. — Главное, Коля мой тоже уснул. Вот уж чудеса. Так-то его днем не уложишь, большой.

Мальчик пнул крапиву, тяжело вздохнув.

— Ба! Пойдем уже?

— Сейчас, еще минутку посижу, и пойдем.

Мина оставила парочку приходить в себя, а сама открыла высокую калитку и снова очутилась на территории Музея сказочных чудес. Без толпы галдящих детишек, без суетливой бабушки и вертлявого Николеньки территория казалась просто огромной. Перед ней раскинулся целый парк. Вперемешку стояли плодовые и лесные деревья. Из-за широкого дуба выглядывали цветущие яблони, высились каштаны и пушистые голубые ели. Дорожка змеилась между кустарниками, терялась за поворотами и выныривала неожиданными бревенчатыми скамейками. Мине показалось, что она здесь впервые. Как же можно было не заметить такой красоты? В самом конце участка, обнесенный двенадцатью столбами, стоял деревянный дом. Одиннадцать столбов венчали овальные фонари, последний стоял пустой. Еще час назад Мина могла поклясться, что это стандартный, стилизованный домик-музей. Однако сейчас он выглядел отчего-то и больше, и страньше. Какой-то неровный дом. С левой стороны — просто огромный, справа — будто обрезанный; вход начинался с веранды, растерявшей за какие-то двадцать минут весь свой расслабленный дачный дух.

Девушка тоже растеряла и уверенность, и задор. Только упрямство вперемешку с природным любопытством не заставили ее повернуть назад. Сколько можно-то ходить туда-сюда! Она встрепенулась, вскинула подбородок и почти пробежала до дверей в сени. Вот! Откуда-то взялись сени...

Дверь скрипнула, и Мина прошла в большой музейный зал. У дальней стороны по-прежнему стоял стол, за ним восседала хранительница за ноутбуком. Девушка пошла вперед и прокашлялась.

— Здравствуйте! Еще раз. — Она остановилась посередине комнаты. К счастью, вся мебель стояла на своих местах и не двигалась.

Хранительница подпрыгнула от неожиданности и медленно развернулась к посетительнице.

— И вам не хворать.

С женщиной в лаймовом костюме также произошли странные метаморфозы. Она не то чтобы постарела. С таким количеством пластики на лице определить это было невозможно. И все же что-то неуловимое случилось. Удлинился нос?

— Я вот... по поводу того, что произошло. — Именно в эту секунду Мина поняла, как глупо может прозвучать и обязательно прозвучит все, что она собиралась сказать.

Женщина нехотя встала и растянулась в улыбке.

— Что же вы, проходите. А где ребенок? На улице?

— Какой ребенок?

— Ваш ребенок, с которым вы пришли.

Разговор заходил в тупик.

— Я пришла без ребенка.

Эта новость заставила хранительницу буквально отшатнуться. Она в поисках все же хоть какого-нибудь, завалящего ребенка, растерянно посмотрела по сторонам. Взгляд задержался на ноутбуке. Оттуда с еще большим любопытством на них всех смотрел благообразный старичок, чьи многочисленные портреты Мина видела в хранилище.

— От оно как! — многозначительно сказал он.

— Простите, не хотела вам мешать, у вас созвон, но все же. — Мина решительно вскинула голову. — Все же хотелось бы спросить про все эти летающие предметы, которые я видела.

Никогда еще она не произносила такой странной фразы. Слова прозвучали именно так, как и должны были: будто бред сумасшедшего. Реакция на них тоже соответствовала. Женщина шагнула назад, рухнув в кресло. Старичок принялся хихикать. Сама Мина подпрыгнула, потому что об ее ногу кто-то начал яростно тереться. Девушка посмотрела вниз. Оттуда на нее

посмотрели сначала одна, потом вторая и третья пара больших желтых глаз. Глаза принадлежали малюсеньким, с ладошку, котяткам. Три пушистых комочка — черный, дымчато-серый и рыжий — обступили ногу Мины, терлись об нее, громогласно урча.

— Брысь, Горыныч! — хранительница скривилась. — Иди спать.

Котятки пофыркали, отошли от девушки и начали синхронно вылизывать лапки.

— Какая прелесть, — неуверенно сказала Мина, — их всех троих одинаково зовут?

Никто ей не ответил. Женщина сидела, словно громом пораженная, старичок продолжал чему-то радоваться, котятки мурчали.

— Кхм... — Мина собралась. Для чего-то же она сюда вернулась. — Так вот, насчет левитирующей мебели. Что все же...

— Что же это, Наум Игнатич!? — не обращая на Мину никакого внимания, женщина обратилась к ноутбуку. — Одна пришла. Что не надо видела. Горыныч признал. Это что же делается? — Вид у нее был донельзя потрясенный.

— Тебе же нужна была помощница, — старичок пожал плечами. — Воля ваша, Изольда Арнольдовна, вот она.

— Я собиралась сама поискать, вообще-то. — Хранительница вздохнула, примиряясь с обстоятельствами.

— Когда такое было? Сами к нам приходят, и добры молодцы, и красны девицы.

Это было уже слишком.

— Ладно, я пойду. — Мина развернулась, сделала шаг назад, но никуда не пошла. Даже перешагни она через трех котят, что сидели теперь цепочкой, преграждая ей дорогу, одинаково вопросительно наклонив мордочки, ноги все равно будто приросли к полу.

— Давай-ка я тебе чаю налью и отвечу на все вопросы. — Женщина в лаймовом встала, отдернула костюм и решительно направилась к девушке. — На все вопросы.

Ответы.

От чашки поднимался какой-то заповедный лесной аромат.

— Это зверобой, шиповник и немного можжевельника с мятой. Пей, деточка. — Изольда Арнольдовна улыбалась сладко, но смотрела изучающе. — У нас тут, видишь ли, музей сказочных чудес. И иногда, редко, чудеса эти случаются.

Мина смахнула чайный морок и скептически покачала головой.

— Мне же не пять лет. Какие чудеса? Чудес не бывает.

— А что же ты видела, деточка? — проникновенно спросила хранительница, звонко помешивая сахар в чашечке с розочками.

— Я видела, как по всей комнате летают предметы. — Мина понурилась. Видела, это да. Но пришла-то сюда не за тем, чтобы ей рассказывали про чудеса. Она хотела услышать про магниты, систему тросов, тестирование новых фокусов для развлечения детей. Пришла, чтобы восстановить картину мира, а не разрушить до основания.

Женщина пожала плечами, как бы признавая, что насильно никого не тащила, а раз уж пришла, изволь получить затребованные объяснения.

— А летали они, потому что мы с Наумом Игнатичем пытались, и успешно, исправить то, что натворил этот маленький паршивец, Николенька. — Изольда поморщилась и тихо, еле слышно прошептала: «В печь, в печь, всех сжечь».

Ноутбук деликатно покашлял.

— Простите. Так вот, чудеса, веришь ты в них или нет, существуют на страницах старых книг. Они живы, пока мы их читаем, рассказываем своим детям. Вот как раз только дети и могут оживить их по-настоящему. Маленькие такие детки, — женщина потерла руки, — до пяти лет.

- Почему до пяти? – Мина решила плыть по течению. Может быть, она попала в какой-то культ? Тогда надо никому не перечить и медленно двигать к выходу.

- Потому что читать не умеют.

Повисло молчание.

- Сказывай как положено, Изольда! – взорвался старичок. – Чего тянешь как корову за вымя?

- Думала, сбежит. – Женщина пожала плечами.

- Так не может, Горыныч не пускает. Прекращай глупости!

Мина сидела тихо, будто ее здесь не было. Собственно, они и разговаривали так, будто ее не было. Неприятно.

- Действительно. – Она деловито прокашлялась. – Расскажите эту мифологию по порядку.

- Ишь че! Мифологию! – Наум Игнатьич снова захихикал.

- Эм... Хорошо. – Изольда не поддержала веселье коллеги, но обрела, наконец, смирение. – Только дети до пяти лет, включительно, могут оживить сказку. Им достаточно просто прочесть отрывок из какой-нибудь книги, что представлены в нашей экспозиции. К счастью! К нашему огромному счастью, мало детей в этом возрасте умеют читать.

- А что же вы не уберете книги? – Мина нахмурилась. Наверняка такой простой вариант приходил им в головы.

- Тогда мы и сами лишимся чудес. – Изольда развела руками. – Дети должны знать сказки, должны читать, слышать про чудеса. Мы и так книги побольше на картинках пораскрывали. Но нельзя же полностью закрыть весь текст. – Она с сомнением посмотрела на ноутбук.

- Нельзя. – Авторитетно подтвердил старичок.

- Ну, ладно, хорошо. – Мина примирительно подняла руки вверх. – Прочитал Николенка отрывок из сказки. Что случилось дальше?

- Что в отрывке написано, то и случилось. Все заснули.

Девушка затаила дыхание.

- Как это? Кто все? Все на планете? Все в России? Все на этой улице?

- Наш филиал музея действует в Воронеже и области. – Тонм серьезного чиновника заявила Изольда Арнольдовна. Если бы только смысл ее слов соответствовал тону...

- То есть, я просто уточняю, потому что это, знаете ли... То есть все люди в Воронежской области заснули? Одномоментно?

- Да.

— Так, это же катастрофа! — Мина вскочила, села, снова вскочила, почувствовав, как по спине бегут холодные противные мурашки. На нее смотрели два совершенно невозмутимых лица. — Почему вы не...

— Не паникуем, как ты? — Хранительница, довольная собой, смахнула отклеившуюся стразу с длинного ногтя. — Мы же все исправили. Очень быстро, замечу.

— Да это же просто катастрофа! Кто-то готовил еду, ехал за рулем, все побились. — Перед глазами Миной проносились видения аварий, бытовых травм и прочего ужаса. Сердце сжалось от страха за родных. Сестра и так максимально изобретательно тестировала способы причинения себе вреда, как все дети ее возраста, а тут такое.

— Напомни, деточка, как называется наш музей? — совершенно спокойно уточнила Изольда.

— Сказочных чудес... — Мина села обратно на стул. Чуть не промахнулась, но села.

— Не музей физических явлений, не музей логических последствий, да? Ска-зо-чны-е чу-де-са! — по слогам повторила хранительница. — Поэтому не надо тут про катастрофы областного значения. У нас своих проблем хватает.

— Так как же это? Все заснули, но ничего плохого не произошло? — Мина все никак не могла уразуметь. — Что за книгу прочитал Николенька? — наконец с подозрением спросила она.

— Хох! — дедок в ноутбуке сощурился. — А ты подойди, сама почитай. Покажи ей, Изольда.

— Да вон, — хранительница лениво мотнула прической в сторону одной из витрин, — как раз последний абзац на странице.

Мина встала.

Сзади раздалось еле слышное усталое бормотание: «Всех в печь, всех...»

Девушка подошла к витрине, любезно расположенной как раз на уровне глаз пятилетнего ребенка. Большая книга посередине была открыта на развороте. Серьезное издание. Толстый старый том с обтрепанными краями, лоснящимися страницами и перекинутой красной ленточкой-закладкой. Красный был единственным ярким пятном. Одна страница была полностью занята иллюстрацией. Мина сразу узнала эту великолепную гравюру Дорэ и похолодела. Не может быть... Но все так и было. Мальчик прочитал следующий абзац из сказки «Спящая красавица» Ш. Перро:

«Тут волшебница коснулась своей волшебной палочкой всех, кто находился в замке, кроме короля и королевы. Она коснулась всех придворных дам, слуг, лакеев, солдат; коснулась поваров, поварят, прислужниц; лошадей в конюшне, больших дворовых собак и маленькой принцессинной собачки. И каждый, кого она касалась, сейчас же засыпал и должен был проснуться только тогда, когда проснется и принцесса. Заснул даже огонь в камине. И все это произошло в одно мгновение!»

На все вопросы.

Девушка вернулась к своей странной компании.

— Все, получается, просто заснули. — вяло подтвердила она.

— Что же просто?! — Хранительница покачала головой. — Сначала нашли себе безопасное местечко, чтоб спалось хорошо. Кто где прилег, но чтоб помягче, поуютнее. Машины встали, огонь, где горел, там замер. Каждая птичка, любой зверь — все заснули до той поры, пока спящая красавица не открыла глаза. — Поэтично рассказывала Изольда, но сама же испортила все впечатление. — Маленький паршивец! Не мог, что ли, сказку попроще выбрать?

— А как быстро подействовало заклина... Это заклинание?

— Типа того. Оно подействовало, как только все нашли себе безопасное место. В тексте ведь сказано, что сон накрыл замок мгновенно.

Мина поняла, почему бабушка с внуком успели выйти из музейной комнаты и даже как-то уютно расположиться на веранде.

— Ясно, — задумчиво протянула она, — чтобы снять заклятье, — девушка чуть было не подавилась этим словом, — нужно, наверное, прочесть отрывок, как все проснулись?

Старичок уважительно покашлял.

— Вишь, Изольда, барышня соображает.

Хранительница нетерпеливо отмахнулась.

— Вижу. Да только все не так просто. В этот раз мальчишка был один, конечно, я с него глаз не спускала. А когда их толпа?! У нас тут почти всегда толпы детей: детсадовские группы, экскурсии. Где тут уследить за всеми? Поди еще пойми, что вообще что-то произошло. Некоторые вещи узнаем уже из новостей. — Она тяжело вздохнула. — Практикантка нам нужна.

Четыре пары глаз вопросительно уставились на Мину. Девушка нервно хихикнула. Ей после этого-то посещения музея придется неделю успокоительное пить.

— Удачи в поисках. — С кривой улыбкой она поднялась со своего места.

Три пушистых комочка куда-то исчезли. Ноги были хоть и ватными, но двигались вполне успешно. Мысли ее унеслись прочь, к тому, как именно следует сейчас добираться домой. Спуститься на набережную, очевидно. Мина с трудом представляла себе очередной подъем наверх. Придется шлепать до Чернавского моста и ждать автобус. Она жила возле парка «Алые паруса», в двенадцатиэтажном доме с видом на пляж. Невозможно красиво. На плечи опустилась какая-то сонная тяжесть, будто плед из верблюжьей шерсти. Пройдя пару метров к двери, девушка вернулась и плюхнулась на стул.

— Не отпустите меня, да? — Вместе с тяжестью пришло и смирение.

— Так не держит никто. — Изольда Арнольдовна смотрела на девушку с искренним удивлением. И неодобрением. Право слово, развалья какая-то. Однако наблюдение за стекленеющими глазами посетительницы все же натолкнуло ее на некоторые подозрения.

— Наум Игнатич, ты, что ли? — Она всплеснула руками, отчего сделалась похожа на экзотическую птицу. Хищный клюв, лаймовые крылья.

— Тебе нужна практикантка, Изольда, — тихо сказал старик. В его голосе впервые прозвучали стальные, требовательные нотки.

— Так, добровольная, а она, вон, не хочет.

— Изольда! — прогрохотал ноутбук.

— Ладно. — Хранительница сдалась.

Вместе с её тихим согласием исчез морок, пригвоздивший Мину к стулу. Будто сдернули тяжелый плед и плеснули в лицо прохладным освежающим воздухом.

Девушка вскочила, однако хранительница тут же усадила ее на место, прочистила горло и заговорила.

— Дорогая Мина Витальевна, нам с Наумом Игнатьичем действительно нужна помощница, практикантка на лето. Как ты, может быть, припоминаешь, в сказках помощники находят сами. Добры молодцы или красны девицы приходят в услужение на время. Долго ли, коротко ли, служба заканчивается, и они отправляются восвояси. Сегодня настало время твоей службы.

— Но я... — попробовала протестовать Мина, однако была остановлена властным жестом.

— Не возражай. Как я уже говорила, к нам в музей невозможно попасть без ребенка. Ворота просто не откроются. А ты прошла. Что видела по дороге к дому? Детскую площадку и скамьи для отдыха? Или видела всё как есть: сад волшебный с наливными яблочками (в середине мая, замечу), дом кривой да двенадцать столбов? Одиннадцать с черепами, а последний пустой, твоей головы дожидается?

— Фонари там, — глаза девушки расширились.

— Ну, может, и фонари, — Изольда беспечно тряхнула волосами, едва спрятав хитрый взгляд.

Эмоциональные аргументы кончились, Мина перешла к практическим.

— Дело в том, что я учусь и сейчас должна проходить практику. Собственно, — она уверенно склонила голову в подтверждение своих слов, — я начинаю ее проходить с понедельника. Меня уже ждут в музее Крамского и...

— Хах! — старичок развеселился. — Вот это везение, Изольдочка, у нас еще и мастеровитый помощник будет.

— Думаю, музей Крамского как-нибудь переживёт, — хранительница тряхнула головой. — Мы тут тоже, знаешь ли, государственное учреждение. И никогда прежде у ректора вашего служек, в смысле стажеров, не заказывали. Пусть уж навстречу пойдет.

На этом странная встреча закончилась.

Мина смогла встать, сумела преодолеть спуск на Адмиралтейскую набережную, как планировала, дошла до моста и даже села в правильную маршрутку до дома. Весь путь она пребывала в состоянии некоторого оглушения. Люди вокруг тоже выглядели несколько заторможенными. Никогда еще в Воронеже и окрестностях так хорошо не соблюдались правила дорожного движения — как со стороны водителей, так и со стороны пешеходов, потому что в обычное время все были хороши. Сегодня вежливость на дорогах была экстремальной. Странно было наблюдать притихших детей, бесконфликтных взрослых и людей ее возраста, застрявших в безвремении: уже не подростков, не ставших еще настоящими, обремененными жизненным опытом взрослых. Все вдруг оторвались от смартфонов и пытались, кто как мог, осознать, чего это они заснули посреди бела дня — кто сидя, кто чуть ли не стоя.

Странный день.

Дома как раз все оказались более чем довольны. Родители внепланово выпалились, а непривычно тихая Ниночка сосредоточенно собирала сортер. Растет, наверное.

Мина прокралась в свою спальню, задернула шторы и рухнула в кровать.

Практика, только практика!

Все выходные девушка пыталась — успешно, надо сказать, — убедить себя, что никаких сказочных чудес не существует. Если искренне хочешь во что-то верить, самообман незаменим. К тому же в обстановке родного, насквозь рационального дома это было совсем не сложно. Немного сумятицы вносили репортажи о случаях спонтанного сна по телевизору и новости в интернете. Но общество с блеском справилось даже с такой сложной задачей. Когда ни одну из теорий не удалось натянуть на обстоятельства, репортер с местного телевидения с видом фокусника ввел в кадр метеоролога. Потому что, если в этом мире и существуют необъяснимые события, они легко могут быть объяснены солнечной активностью. Всегда найдется какой-нибудь подходящий по времени и размерам протуберанец, чья активная, огромная петля вызвала на Земле какую-нибудь дичь. Самообман незаменим.

Мина вздохнула с облегчением и в понедельник отправилась на первый день практики в музей им. Крамского.

Она пересекла на маршрутке Чернавский мост, заехала на холм, вышла на остановке возле здания ЮВЖД и полчаса бродила по парку им. Мережковского, чтобы настроиться, привести мысли в порядок. Первое впечатление очень важно, если она собирается добиться своей цели. А цель была чрезвычайно амбициозной: посмотреть на картину Рембрандта без защитного стекла. В музее была одна-единственная картина известного голландца. Небольшая миниатюра в массивном золотом окладе с вытесненным именем художника. Оклад Мину не интересовал, а вот рассмотреть темное изображение очень хотелось. Хотя бы ради дипломной работы, тема которой еще находилась в стадии обдумывания. Мечталось также прикоснуться к саркофагу в египетском зале. Но это были детские мечты, о которых вообще никому нельзя рассказывать. Зал был настолько мал, может быть даже поменьше современных двухкамерных холодильников, что Мина просто хотела побыть там одна. Насладиться изучением экспонатов, спокойно прочесть все надписи, использовать свою лупу по назначению и да... прикоснуться к саркофагу.

Мина то и дело отдергивала полы маминого пиджака, жалея, что поддалась на ее уговоры и оделась «прилично». Девушка среднего роста с фигурой скорее спортивной, чем худощавой, Мина отдавала себе отчет, что выглядит подобающе первому в жизни рабочему дню. Привычные джинсы она сменила на черные слаксы, отстояла право оставить простую белую футболку и накинула пиджак, максимально соответствующий современной моде. Кеды пришлось поменять на мамины же лоферы. Убрала темные волосы до плеч в аккуратный хвост, сделала легкий

макияж — такой легкий, что маме пришлось сильно присмотреться, чтобы его заметить. Мина ценила свои простые, но гармоничные черты лица и не видела причин выпячивать какую-то одну из них. В целом образ получился очень подходящий. Просто чужой.

В приподнятом настроении, взволнованная, она прошла в маленький кабинет отдела кадров музея и представилась.

Женщина за столом, скривившись, поправила очки.

— У нас уже есть практикантка из вашего вуза. Вон, расставляет легкие, небьющиеся предметы. — Она неодобрительно кивнула в сторону неловкой девушки с ворохом листовок. — Полчаса назад пришла, а разрушений, как будто год работает. Мое воздаяние за что-то... — Продолжая бурчать под нос, она будто забыла о существовании Мины.

— Кхм. Простите, это какая-то ошибка. — Девушка натянуто улыбнулась. — Я записалась к вам на практику в прошлом году, как только открылось окно. Планирую писать дипломную работу по картине Рембрандта. — Она снисходительно улыбнулась. — Вряд ли я могла перепутать музеи, где он выставляется. В Воронеже...

— Да, это вряд ли. — Женщина поджала губы. — Как, говорите, ваша фамилия?

— Храброва. — Мина подобралась. Сейчас все уладится. Простое недоразумение.

Последовало продолжительное кляцанье по клавиатуре.

— А, ну вот все и разрешилось. К моему неудовольствию. — Женщина снова с тоской взглянула на практикантку. Та пыталась достать завалившиеся под лавку листовки, опасно качая кадку с фикусом.

Мина аккуратно подвинула цветок.

— Спасибо. У вас же перевод, Храброва. Что вы мне тут голову морочите?

— Какой перевод? — Девушка почувствовала, как земля уходит из-под ног. В прямом смысле. Практикантка тянула на себя листовку из-под ее ноги.

— Нормально! Вам не сказали, что ли? — Женщина поправила очки и усмехнулась. — Ну, не удивительно. Изольда такая... Изольда. Как обычно. — Она фыркнула. — Вас перевели на практику в «Музей сказочных чудес», это на холме за университетом.

— Но как же? — Мина поняла, что все тщательно выстроенные за выходные аргументы рассыпались, как карточный домик. — Но как же Рембрандт?

— А какое отношение он имеет к теме вашей дипломной работы: «Антропология сказочных существ в русских народных сказках»? — Она опять презрительно фыркнула. — Подумайте над названием, как-то кривовато звучит.

На деревянных ногах Мина покинула музей изобразительного искусства и побрела на холм за университетом. Пышноусый голландец никогда не откроет ей свой секрет, Египетский зал всегда будет забит людьми, как бабушкин холодильник — соленьями. Впереди ждало какое-то безумие.

— Опаздываем, — Изольда Арнольдовна недовольно поцокала. — Практика начинается за час до открытия музея. Так что, будь добра...

— Я заходила в музей Крамского, — Мина мялась на пороге большого демонстрационного зала.

— А... Отрицание, — хранительница усмехнулась. — Заходи и будь в услужении сказочным чудесам, — торжественно добавила она, проводя рукой в пригласительном жесте.

Девушка почувствовала, как скованность покидает тело, а ноги сами несут ее через порог. Тут же откуда-то появились три котенка. Их огромные любопытные глаза доброжелательно мигали.

— Брысь, Горыныч! — прикрикнула Изольда, но тут же ласково добавила: — Иди попей молочка.

Котята по очереди потерлись об ноги новенькой и поскакали на кухню.

— Проказники. Ладно, — женщина бодро хлопнула в ладоши. — Сегодня у нас две старшие группы детских садов: «Колобок» и «Незабудка». Это перебор, — она потерла переносицу. — Это перебор, грозящий катастрофой. Соберись, девочка!

Изольда была одета в очередной ярко-зеленый костюм: брюки палаццо и расслабленный пиджак. Туго завитые локоны собраны в элегантную прическу. Наколотый лоб с трудом, но морщился под тяжестью предстоящих испытаний.

— Давай-ка, знаешь что, — она с сомнением покосилась на практикантку, — давай-ка пройдишь по залу и свежим взглядом почитай открытые страницы. Ты вроде уже должна была понять, чего опасаться.

— Хорошо. А Наум Игнатьевич к нам сегодня присоединится? — она покосилась на выключенный ноутбук.

— Игнатьич, — поправила хранительница. — Так неправильно, но ему больше нравится. И... он всегда с нами, да?

— Здесь я, здесь, барышни. Занят дед Наум.

Хранительница удовлетворенно кивнула.

Откуда именно раздался голос, Мина не поняла, но ее вопросительный взгляд натолкнулся на непроницаемые глаза хранительницы, и девушка покорно отправилась читать отрывки из сказок.

К счастью, детишки из «Колобка» и «Незабудок» читать еще не умели, и первый день практики прошел без происшествий.

Вся первая неделя практики прошла без происшествий. Мина постепенно смирилась со своим положением сказочной прислужницы.

Под присмотром Изольды она разбирала залежи старья в хранилище. Так гордо именовался чулан, где она умудрилась заснуть в тот самый знаменательный день. Также девушка выискивала подвохи в отрывках сказок, представленных на экспозиции, и внесла предложение: за каждой тумбой с книгой спрятать другой экземпляр сказки, чтобы мгновенно принять контрмеры при необходимости. Предложение понравилось. Постепенно каждая уникальная книга обзавелась своим дешевым альтер-эго, где нужные абзацы не страшно было отметить маркером.

Наум Игнатьич выходил на связь каждый день. Он неизменно разряжал обстановку и вообще вносил в работу Мины приятное разнообразие. Его знания о предметах, забивавших хранилище, были исчерпывающими. За каждой вещью стояла история: иногда в прямом смысле кровавая история революции, а иногда просто сказочная легенда. Все больше девушке казалось, что она работает в антикварной лавке, все дальше отодвигался в сознании необычный эпизод знакомства с музеем. Мозг сосредотачивался на рутине, что его полностью устраивало. Мина даже научилась задвигать в сознании моменты, когда приходилось встречать у ворот группы детишек. Потому что от здания музея она долго бежала по извилистым дорожкам, мимо двенадцати столбов, мимо смешанного сада, опасного колодца, огородика, засаженного душистыми травами, раскидистой, кривой во все стороны яблони с наливными плодами.

А от калитки вела ребятишек по широкой прямой дорожке, засыпанной мелким камешком, мимо детской площадки с горками, мимо уютных скамеек, к светлому, лубочному музейному домику.

Это мозг даже не пытался объяснить, принял как данность. Да и некогда было задумываться, к счастью.

Но быстро ли сказка сказывается, долго ли дело делается, а ей пришлось вспомнить, где она находится. Случилось это так.

Наум и его команда.

В один из дней Мина, как обычно, копалась в очередном сундуке, проводя опись и инвентаризацию содержимого. Каморка определенно стала выглядеть лучше. Свет в маленькие окошки, стоило их только протереть, проникал теперь свободно, не застревая в вековой грязи; лампочка под потолком засияла, стоило ее только заменить; предметы на многочисленных новых полках выстроились в четкие ряды. Девушка принесла с собой рабочий ноутбук и краем глаза смотрела какой-то сериал, делая заметки. Три Горыныча сновали рядом, потом забрались в только что освобожденную от спутанной пряжи корзинку для шитья и свернулись плотными клубочками. Вскоре послышался их громкий дружный храп. А затем послышался еще один звук: ноутбук разрядился.

Девушка вскинула голову и с тоской посмотрела на технику. Зарядка осталась на кухне. Там же сидела Изольда Арнольдovна, уничтожая работу косметолога вечно недовольно поджатými губами. Нееет. Мина тряхнула головой. Можно и в тишине поработать.

Через час сундук был освобожден. Мина огляделась в поисках стопки текстиля, которую можно было бы в него уместить. Рыжий Горыныч потянулся, настороженно наострил ушки и выпрыгнул из корзинки. Двое других котят тут же растеклись на его месте.

Рыжий подошел к закрытому ноутбуку и аккуратно потыкал в него лапкой.

- Он разрядился, Горыныч, — Мина улыбнулась. — Совсем не работает.

Котенок настойчиво бил лапкой по крышке и вопросительно смотрел на девушку.

- Что ты хочешь? Полежать на клавиатуре? — Девушка с сомнением покачала головой. — Она сейчас даже не теплая. Иди-ка к двум другим своим головам.

Рыжий тяжело вздохнул и попытался открыть крышку самостоятельно. Получалось плохо. Котенок неуклюже толкался, все ближе пододвигая ноутбук к краю стола.

- Ладно, ладно! — Мина подхватила пушистый комочек на руки, открыла крышку компьютера, посадила котенка на клавиатуру. — Теперь доволен?

Горыныч был, если не доволен, то удовлетворен. Он отряхнулся, проклацал лапками по клавишам и вернулся в корзинку к братьям.

Девушка закатила глаза к потолку. Кто их разберет, этих кошек.

На экране ноутбука появилось изображение Наума Игнатьича.

- А, барышня, работаете?

- Работаю, Наум Игнатьич, добрый день!

Мина повернулась, чтобы помахать ему, и замерла.

Старичок выглядел как обычно. Все выглядело как обычно, кроме одной маленькой детали. Компьютер совершенно точно не работал. Девушка как-то даже не осознавала раньше, что изображение старичка появлялось на ноутбуке без каких-либо дополнительных программ, типа Skype, TrueConf, Zoom — да хоть какого-нибудь мессенджера завалящего. Просто раз — и «Добрый день, барышня».

Она попятилась к двери.

Наум Игнатьич смотрел на нее с недоумением, но потом, видимо, что-то понял.

- Иди, иди-ка, деточка, к Изольде, — он усмехнулся в бороду. — Ты-то хоть, Горыныч, покажешь мне, что нашли?

Когда Мина поспешно выходила в коридор, из корзинки лениво выползал серый котенок.

Девушка быстрым шагом преодолела километр бесполезной площади, отшатнулась от галереи портретов благообразного старичка и через минуту уже стояла на кухне.

Изольда Арнольдовна расслабленно сидела в кресле, ноги были закинута на край стола, в руках — какая-то старинная книга, из тех, что Мина находила в течение недели, аккуратно складывая в стопочку для проверки. Усилиями хранительницы стопка делилась на экземпляры, достойные выставочного зала и пригодные для дублирования. Кое-что, без сомнения, готовилось для продажи букинистам. Являлось ли это имущество государственным, как именно оно попадало в музей, девушка еще не разобралась.

Сейчас это не имело значения. Сейчас Мина стояла, как рыба, выброшенная на берег, и только вдыхала воздух, кажется, не выдыхая вовсе.

Изольда Арнольдовна некоторое время изучающе смотрела на нее.

— Могу я полюбопытствовать? — Наконец она попыталась вопросительно приподнять бровь. Бровь наткнулась на ботокс. Тогда женщина помогла себе, сделав приглашающий жест рукой.

— Я... — Девушка плюхнулась в кресло, тут же вскочила, плеснула себе заварки из трав и, не разбавляя водой, выпила. — Я думала, Наум Игнатьич — ваш куратор из... Ну, не знаю, из Москвы.

Хранительница по-девичьи хихикнула, но тут же собралась.

— Может быть, и из Москвы. Почему бы нет? — Она снова уткнулась в книгу, пряча улыбку.

— Изольда Арнольдовна! — Мина все же села в кресло напротив. — Кто такой Наум Игнатьич? И где он?

— Деточка, раз ты сюда примчалась, такая всклокоченная, значит, у тебя есть предположение.

— Он появился на экране ноутбука, который совершенно точно был выключен. Разряжен полностью.

— Ну-ну, это нехорошо. Технику надобно питать. — Хранительница устало хрустнула шеей. — Хм... То есть необходимо поддерживать заряд.

— Это я поняла, — Мина отмахнулась. — Я не поняла, кто такой Наум Игнатьич, точнее... — Она помотала головой. Не может быть.

Изольда Арнольдовна медленно встала и хрустнула уже всем телом. Ее фигура возвысилась над Миной, сделалась вдруг массивной и крижистой одновременно, нос показался длиннее, а ботокс будто сдался под напором морщин.

— Деточка! Я уже неделю наблюдаю, как ты тут возишься, упорно отрицая, что стала прислужницей сказочных чудес. Это тебе не лавка старьевщика! Прими свою судьбу. Временную. Ты должна примириться и верить сказкам. Видела вокруг дома одиннадцать столбов с черепами?

— С фонарями? — робко уточнила Мина.

— Это кому как! У меня было одиннадцать прислужников.

— Практикантов?

— Это когда как! А двенадцатый столб пустой стоит, твоего фонаря ждет, если не примиришься. Ясно?

— Ясно, — девушка сидела, боясь шелохнуться. Фигура хранительницы тем временем вернулась к своим привычным масштабам. Лицо снова стало гладким, как бильярдный шар.

Женщина приняла прежнюю позу, закинула ноги на стол и спросила:

— Так кто же, по-твоему, Наум Игнатьич?

— Тот... Тот, не знаю кто. Получается так. Как из сказки «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

— Подкованная! — раздалось из телефона Изольды Арнольдовны.

Девушка вздрогнула так, что стул чуть было не опрокинулся.

— Ну что ты, дед Наум! Чего пугаешь?! Я сама чуть не поседела. — Изольда недовольно потянулась за телефоном и прислонила его к чашке, чтобы всем было видно.

На выключенном экране виднелось довольное изображение старичка.

— Ты, дочка, не бойся. Но да, я — тот-не-знаю-кто.

Мина внимательно изучала его лицо, как будто видела в первый раз.

— Не понимаю, — наконец протянула она, — вы же типа дух, нет разве?

— Почему же нет, как ты говоришь, типа да, — дедок захихикал. — Как вы теперь говорите, встарь лягушки-квакушки так не говорили.

— Но я вас вижу!

— Это и правда удивительно, — слово взяла Изольда. Как всегда назидательным тоном, наиболее неподходящим к ситуации, она заметила: — Удивительно, но, когда появились первые смартфоны, черные зеркала, тут-то мы Наума Игнатьича и узрели, как говорится, во плоти. Тысячи лет духом бесплотным прожил, пока вот такое зеркало не изобрели.

— Сват Наум... — протянула Мина. — Поразительно.

— Поразительно, что ты знаешь, — с уважением протянул дед.

— Так я же читаю сестричке сказки. Все подряд вот уже по десятому кругу.

— Подходит, подходит она нам, матушка, — старичок деловито покосился в сторону хранильницы. — Вишь, образованная, кока.

— Посмотрим, — сквозь зубы процедила Изольда, — сопротивляется.

Мина в полном замешательстве махнула рукой.

— Дайте опомниться. Дайте, что ли, пообвыкнуть, — она простонала. — Чаю дайте.

Изольда деловито заскользила по кухне, собирая чай и легкие закуски.

Мина не отрывала глаз от старичка.

— А все эти ваши портреты как получились?

— Нейросеть, — Наум Игнатьич оживился. — Я же никогда себя не видел. Правильно ты говорила: дух бесплотный. «Сват Наум то, сват Наум сё». Доброго молодца пока встретишь, пока приветишь. Времена текли, менялись, а я все скитался по избушкам, пиры закатывал купцам да дурашкам. Спасибо, вот Изольда пригрела. Отчество дала. А как черное зеркало появилось, вообще словно в другую сказку попал.

— Так вы, получается, в любом смартфоне можете появиться?

— Ну, при погашенных огнях, — старичок кивнул и широко улыбнулся. — Я, представь себе, и не знал, что облик имею. Такие дела, душечка.

— Поразительно, — Мина покачала головой. — Просто поразительно. То-не-знаю-что...

Небольшую паузу заполнила Изольда, поставив перед Миной чашку и блюдо с пирожками.

— В любом смартфоне, любом ноутбуке, в общем, на любом выключенном экране наш любезный Наум Игнатьич может себя показать. Надо только попросить появиться, — она испытующе посмотрела на практикантку. — Ну что, добро пожаловать уже наконец в команду?

Мина отхлебнула густой чай. Нахлынуло какое-то умиротворение и смирение.

— Да, теперь я в команде.

Жаба.

Город разразился цветением каштанов. Острые пирамидки цветов, словно пышные французские пирожные, возвышались над изумрудными блюдцами раскидистых листьев. Такими каштановыми аллеями мог похвастаться Воронеж и, разве что, Париж. Исполински высокие тополя строго смотрели в голубое небо, поджимая ветви к стволам. Зелень и цветы захватили город, преображая его до неузнаваемости.

В один из исключительно благостных последних дней весны Мина уже привычным жестом отворила калитку «Музея сказочных чудес». Взгляд уперся в качели, поскрипывающие на ветру, и прочие атрибуты присутствия гостей. Аккуратные урны, деревянные скамейки, даже имитация избышки на курьих ножках. Постоянно появлялось что-то новое и пропадало что-то старое. Девушка заторопилась и уже у самого домика наткнулась на хвостик толпы ребятишек, заходящих в здание. Малыши шли ровно, строго по два человека, держась за руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.